

19 мая 1946, Москва

Товарищ Сталин!

Назначенная Вами 13 апреля комиссия, по существу, закончила свою работу по обследованию моего кислородного метода. Отзыв экспертов был благоприятный. Комиссия его приняла. Пристрастность заключения в мою пользу предположить трудно, так как в подборе членов комиссии я не участвовал, эксперты подобраны были не мной и работали они не у меня. Я думал, что этим вопрос уже исчерпан.

Но совсем неожиданным для меня Вашим новым постановлением от 14 мая расширяются задачи комиссии и включаются в нее профессора Герш, Гельперин и Усюкин, т. е. в комиссии специалисты по кислороду представлены только людьми явно враждебными направлению моей работы. Эти трое обиженные мною <...>. так как я не хотел их привлечь к нашей работе. Делал я это потому, что считаю их не только не сделавшими ничего значительного, а, наоборот, беспринципными и вредными людьми, любящими ловить рыбу в мутной воде. Мои попытки вызвать их на открытую дискуссию в Техническом совете Главкислорода не были успешными, они либо молчали, либо не приходили, ведь их научный багаж очень ограничен. Их основной метод действия — за спиной писать письма членам правительства, используя в основном те колебания и сомнения, которых при новизне вопроса всегда много. <...>

Привлечение этих людей как судей моей деятельности нельзя рассматривать как объективное, это просто оскорбительно для меня. Так можно было поступить только тогда, когда хотелось бы затруднить и погубить мои работы и подорвать мой авторитет.

Я всегда сочувствовал общественному контролю, и все правительственные комиссии, включая и эту (а их уже было три), были назначены по моей просьбе. Но до сих пор спрашивали мое мнение о вопросах для обсуждения и составе комиссий. Теперь этого не было сделано и на заседание новой комиссии меня даже не позвали. Даже преступнику дают право отвести присяжных, и он имеет право присутствовать на суде. Ведь это явно враждебное отношение. Чем я заслужил его? <...>

П. Капица